

Заблуждение

Философская энциклопедия, т. 2, с. 144-147

– несоответствие знания его предмету, расхождение субъективного образа действительности с его объективным прообразом; заблуждение есть абсолютизированный момент процесса познания, который возникает и существует как односторонность познания, закрепляемая в сознании ограниченным практическим интересом отдельного человека или класса. Особенную прочность в истории имеют заблуждения, закрепляемые социальными (классовыми) интересами консервативных и реакционных слоев и сил общества. Заблуждение – не есть абстрактно-метафизический полюс истины, а есть ее диалектическая противоположность, в известных условиях в нее переходящая и из нее возникающая. «Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т.е. истина станет заблуждением, заблуждение – истиной»¹. Заблуждение отличается от ошибки как результата неправильного теоретического или практического действия, вызванного личными, случайными причинами, а также от лжи как преднамеренного распространения заведомо неправильных представлений.

Проблема заблуждения, его природы, источников и условий возникновения была поставлена вместе с проблемой истины уже в древнегреческой философии. Заблуждение, как правило, понималось здесь как несовпадение человеческого ума и воли с законами универсума, как бы последние ни толковались, – материалистически (Гераклит, Демокрит, Эпикур) или идеалистически (Платон, Аристотель, стоики). Источник заблуждения усматривался либо в природном несовершенстве познавательных способностей, в ограниченности чувственного знания, либо в недостатке образованности индивида, либо в совместном действии этих факторов. Религиозная идеология средневековья истолковывала заблуждение как искажение готовой, раз навсегда заданной человеку истины, производимое злой волей, персонифицированной в виде дьявола, т.е. как «дьявольское наваждение».

Проблема заблуждения и его отношения к истине особенно остро встала в философии Нового времени в связи с борьбой возникавшего научного мировоззрения против религиозно-теологических представлений феодального средневековья. Исходя из неисторических представлений об истине и познании, философия этой эпохи также, как правило, рассматривала заблуждение как следствие искажающего влияния воли на разум и ставила вопрос о заблуждении в план исследования взаимоотношений интеллекта и воли человека.

Согласно Бэкону, все виды заблуждения, классифицированные им под именем «идолов», коренятся, с одной стороны, в общественных условиях жизни человека, а с другой – в самой природе разума, который уподобляется зеркалу с неровной поверхностью, примешивающему к образу вещи свою собственную природу. Обобщая исследования Бэкона и Декарта, Спиноза сформулировал существо позиции этих мыслителей в тезисе, согласно которому «...человеческая воля свободна, и притом шире разума...», а потому и

рождает заблуждение; «разум не холодный свет, его питает воля»². Принципиально отвергая теологический тезис о свободе воли (в смысле беспричинного произвола), Спиноза устанавливал, что воля индивида причинным образом определяется субстанцией, т.е. бесконечным во времени и пространстве миром природных явлений. Таким образом, все идеи (как истинные, так и ложные) оказываются внутренними состояниями мыслящего тела, объективно обусловленными со стороны внешнего мира, со стороны вещей. «Идеи неадекватные, смутные вытекают с такой же необходимостью, как и идеи адекватные, т.е. ясные и отчетливые»³. «Идеи называются ложными не вследствие чего-либо положительного, в них находящегося»⁴. Ложность идеи заключается «в недостатке знания», заключенного в идее⁵. Теологи обвинили эту концепцию в том, что она делает невозможным вообще различие между истиной и заблуждением, между добром и злом (грехом), а тем самым снимает с индивида вину и ответственность за заблуждение и грех. На деле же материалистический монизм Спинозы, требовавший признания причинной обусловленности действий воли, а тем самым – и заблуждения, только и позволял поставить вопрос о рамках активности и ответственности индивида. Чем более широкой сфере природного целого индивид активно предоставляет определять свой интеллект, тем больше мера адекватности его идей. Поэтому индивида можно винить в том, что он рабски подчиняется силе ближайших окружающих обстоятельств, других людей, церкви, частных интересов, властей и т.д., что он не стремится расширить ту сферу природы, которая детерминировала бы его волю и интеллект, не стремится к познанию универсальной детерминации и к согласованию своей единичной воли с нею, – т.е. в недостаточной «любви к богу» («amor Dei»). Заблуждение и грех есть, таким образом, прямой коррелят обывательской пассивности человека по отношению к ближайшим обстоятельствам. «...Душа подвержена тем большему числу пассивных состояний, чем более имеет она идей неадекватных, и, наоборот, тем более активна, чем более имеет идей адекватных»⁶.

Рационалистически настроенные просветители (Гельвеций, Дидро, Ламетри и др.) видели источник заблуждения, с одной стороны, в инстинктивной подчиненности человека своим личным и частным (групповым) интересам (так называемая «теория интереса» или «заинтересованного мышления»), а с другой – в политическом интересе господствующих слоев, которые ради сохранения своего господства навязывали всему обществу различные ошибочные идеи (так называемая «теория обмана»). Вместе с тем в отношении человеческого разума они были крайними оптимистами и видели в человеческом разуме автономную силу, способную собственным действием раскрыть истину, разоблачать обманы и самообманы. Они считали, что достаточно открыть при помощи разума источники заблуждения, чтобы тем самым избежать впредь опасности в него впасть, а затем построить разумное общество, свободное от заблуждения и генетически связанных с ним пороков.

У Гоббса, Локка, Юма заблуждение изображается результатом ошибки в суждении, т.е. в рассудочном связывании идей, восприятий. «Подобно тому, как люди обязаны всем своим истинным познанием правильному пониманию словесных выражений, так и основание всех их заблуждений кроется в неправильном понимании последних»⁷. Кантовский априоризм превратил концепцию английских эмпиристов, а также лейбнице-вольфовской школы в законченную систему логически сконструированного субъективизма, в которой историческая ограниченность буржуазного индивидуализма была истолкована как система ограниченности человеческого познания вообще. Кант полагал, что заблуждение есть следствие смешения субъективных и объективных основ наших суждений. По Канту, источник заблуждения коренится в принципиально неправомерном выходе индивидуального сознания за пределы чувственного опыта, в объективный мир сам по себе. Однако для истины и заблуждения в отношении познания объективного мира по

содержанию в философии Канта, естественно, не существует критерия. Поэтому возможность заблуждения в этой области познания может иметь значение только принципиальной ошибки выхода «за пределы» возможного субъективного опыта. Что же касается заблуждения внутри опытного знания, то оно может быть следствием только нарушения логических правил рассудка, т.е. имеет чисто формальный критерий. Принципиальная невозможность для кантовской гносеологии критерия объективной истины в пределах теоретического рассудка привела Канта к переносу проблемы истины относительно «мира вещей в себе» в область «практического разума», для которого она превращается в проблему долженствования. Поэтому в сфере практической жизни, которую Кант противопоставляет сфере теоретической, заблуждение толкуется им как нравственное несовершенство, свойственное природе человека, как «коренное зло» и рассматривается в пределах учения о нравственности. Фихте окончательно переводит вопрос о заблуждении в субъективный план рассмотрения. Если истина, по Фихте, есть система знания, произведенная «Я», которое действует исключительно по внутренней необходимости, т.е. свободно, то заблуждение, наоборот, есть знание, произведенное несвободно, под давлением внешних обстоятельств – власти вещей или авторитета. Согласие или несогласие деятельности индивида с имманентными законами деятельности всеобщего трансцендентального «Я» постигается лишь в интимном чувстве такого согласия или несогласия. Отсюда путь лежал прямо к эстетически окрашенной интуиции Шеллинга и последующих форм иррационализма, но одновременно здесь же закладывались и предпосылки гегелевского решения, поскольку свободная деятельность рассматривалась как деятельность, согласная с универсальной необходимостью развития духовного мира, и в этом виде противопоставлялась произволу.

Гегель решительно порывает с субъективизмом Канта и Фихте, и именно в этом состоит его шаг вперед в понимании заблуждения. Гегель отвергает метафизическое противопоставление истины и заблуждения. Источником заблуждения является то обстоятельство, что «...в *сознании* есть два момента: момент знания и момент негативной по отношению к знанию предметности... Сущующее в сознании неравенство между “я” и субстанцией, которая есть его предмет...»⁸. «Ложное знание о чем-нибудь означает неравенство знания с его субстанцией»⁹. Однако самое это неравенство, выступая как эпизод в развитии истины, не может рассматриваться как просто «отсутствие» истины, не может быть противопоставлено истине как внешнее и чуждое ей. Для Гегеля заблуждение не может быть неистинным вообще, потому что оно само есть факт знания, т.е. такой момент в развитии истины, когда последняя выступает «в форме неистинного». Здесь Гегель проводит последовательно, хотя и идеалистически, точку зрения историзма. Важно, по Гегелю, не констатировать заблуждение, а выяснить, каким образом оно рождается, и тогда оказывается, что самое заблуждение родилось необходимо, как порождение данного этапа развития истины. «Феноменология духа» представляет собой такую естественную «историю» человеческого знания, как бы палеонтологию сознания, в которой заблуждения предстают как свидетельства движения сознания к истине, в исторически обусловленных формах «несчастливого сознания», «разорванного сознания», «суеверия», «здравого смысла» и т.д. Гегель понимал ложное как отрицаемый развитием момент истины. Заблуждение есть особая форма ложного, особенность которой определяется как характерное для не постигшего диалектики истины сознания отношение к противоречию истинного и ложного: «...постигающее сознание сплошь и рядом не умеет освободить его [это противоречие] от его односторонности или сохранить его свободным от последней и признать взаимно необходимые моменты в том, что кажется борющимся и противоречащим себе»¹⁰. Тем не менее, по Гегелю, и эта односторонность, как свойство заблуждения, есть исторически закономерная особенность развивающегося сознания. «Заблуждение есть нечто

положительное, как мнение касательно того, что не есть само по себе сущее мнение, знающее и отстаивающее себя»¹¹. Другими словами, в истории знания заблуждение играет роль утверждения того, что истина должна подвергнуться диалектическому отрицанию. Поскольку другого пути развития истины нет, заблуждение входит в нее как ее органическая форма.

Марксистско-ленинское решение проблемы заблуждения исходит из диалектико-материалистического понимания истины как процесса развития познания. Рассматривая заблуждение как исторически обусловленное, а потому и исторически преодолеваемое несоответствие субъективного образа объективной действительности, Маркс и Энгельс объяснили это несоответствие как выражение ограниченности реальной власти людей над природой и над своими собственными взаимными отношениями. Типичными формами заблуждения являются религия и философский идеализм. Принципиально ту же природу имеют и те формы заблуждения, которые возникают в научном сознании, например физический идеализм. Любое заблуждение имеет «земную основу», т.е. те реальные факты, односторонним отражением которых оно является. Нет и не может быть абсолютного заблуждения, т.е. такого представления, которое ничего не отражает в реальности. «Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, *überschwengliches* (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный»¹². Иными словами, правильное отражение одного из моментов конкретной действительности становится заблуждением, если оно не дополняется отражением места и роли этого момента (стороны, черточки, тенденции) в составе конкретной действительности, например орган нельзя понять иначе как часть организма, в отрыве от организма. Поскольку же полное, исчерпывающее познание действительности возможно лишь в бесконечной перспективе всемирной истории познания и деятельности, постольку заблуждение является неизбежной противоположностью истины, находящейся с последней в диалектически противоречивой связи. При определенных условиях истина становится заблуждением, а заблуждение – истиной. Абсолютизированная истина и есть заблуждение, а заблуждение, поставленное на надлежащее место, т.е. понятое как относительно верное, ограничено верное отражение одного из моментов конкретной действительности, не имеющего смысла и действительного существования вне связи с другими моментами и предпосылками, перестает быть заблуждением в строгом смысле и становится фрагментом, «кусочком» истины. Так, гегелевская логика есть точнейшее описание диалектики процесса мышления. Однако превращенное в абсолют именно тем, что идеалист не раскрывает обусловленности этого процесса предметной деятельностью общественного человека, это описание становится заблуждением. И наоборот, Маркс, устранив эту идеалистическую односторонность, усвоил и показал истинное содержание гегелевской диалектики. Абсолютизация относительной истины и есть поэтому основной путь возникновения заблуждения, а постоянно прогрессирующее познание и практическое преобразование все новых сторон действительности, – а тем самым и действительного места старых (уже известных) ее сторон, – есть единственный путь преодоления заблуждения.

Абсолютизация ограничено верных представлений, превращающая их в заблуждение, вовсе не есть имманентно присущее природе человека свойство, а только исторически преходящая тенденция сознания, возникающая на почве строго определенных исторических условий. Сознание, возникающее на основе низкого уровня развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений, оказывается опутанным сетью

«практических иллюзий». Иллюзии, как представления, соответствующие узкой практике (низкому уровню развития культуры, как материальной, так и духовной), естественно, подтверждаются этой практикой, а истинное осознание действительности в ее революционном развитии делается для индивида, действующего в качестве агента узко прагматической деятельности, не только излишним, но и прямо вредным. Так, преуспевающий капиталист, естественно, воспринимает, например, теорию стоимости как схоластическое, оторванное от жизни мудрствование. Зато представления вульгарной экономии, в которых систематизируются его собственные ограниченные представления, он считает само собой разумеющейся истиной. Соответственно и наука, ориентирующаяся на ограниченную практику, в данном случае на практику капиталиста-предпринимателя, т.е. вульгарная экономия, теоретически увековечивает заблуждение, совершенно точно отражающие поверхность явлений и представления человека, живущего в мире этих явлений. «Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринёрски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них и в которых они... принимают нелепый характер и полны противоречий, – а если бы формы проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, – что именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как дома и что эти отношения представляются ей тем самоочевиднее, чем более скрыта в них внутренняя связь, и чем, однако, более привычными они кажутся для обыденного представления»¹³.

Поляризуя умственный и физический труд, превращая каждого человека в частичного носителя частичных функций («профессиональный кретинизм», по выражению Маркса), товарно-капиталистическое общество тем самым формирует и сознание, естественно принимающее частичную истину за истину в целом, т.е. превращающее истину в заблуждение, а подлинную истину считающее чем-то несуществующим, мнимым, иллюзорным, плодом игры схоластического ума. В данных условиях, как показал Маркс, чисто теоретическое разоблачение заблуждения (например, товарного фетишизма) не в силах изгнать заблуждение из общественного сознания. Заблуждение рассеивается лишь тогда, когда предметно-практически преобразуется сама действительность, рождающая и фиксирующая заблуждение в качестве прагматически полезного представления о вещах и человеческих отношениях. Поэтому только революционная и революционирующая мир практика человека, каждый раз прорывающая узкие рамки существующей практики, оказывается единств. способом преодоления заблуждения и одновременно единственным ориентиром для научной критики существующей действительности и ее схоластически-теоретического отражения. Эта работа революционной критики была осуществлена впервые Марксом и Энгельсом. Одновременно это преодоление заблуждения было процессом выявления «рациональных зерен», т.е. абсолютизированных в виде этих заблуждений относительно верных отражений действительности (Рикардо, Гегель, Сен-Симон и др.).

Разоблачив товарный фетишизм как «естественную» форму осознания действительности в условиях отчуждения, Маркс в ходе ее анализа показал ее одновременно как частный случай отчужденного сознания вообще, другой формой которого является религия. «Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения повседневной практической жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и природой»¹⁴. Пока не преодолено все тяжелое наследие классового, стихийного развития человечества, в том

числе профессиональная узость личного развития человека, сопровождаемая принципиальным невежеством относительно всего того, что лежит за рамками профессии, для заблуждения остается реальная почва.

Диалектический материализм рассматривает в качестве критерия различения истины от заблуждения общественно-историческую практику, которая выступает, естественно, в исторически ограниченных формах. Поскольку люди, живущие в условиях этих ограниченных форм практики, не осознают их ограниченности и принимают их за вечные и неизменные, они неизбежно оказываются в плену заблуждения и столь же неизбежно воспринимают как заблуждение действительное движение практики и познания вперед. Но нельзя забывать, что и практика не может сразу же отделить истину от заблуждения в составе конкретного знания с такой же точностью, как лакмусовая бумажка различает кислоту от щелочи. Практика не является таким всемогущим критерием, особенно если она понимается не как всемирно-историческая практика человечества, а узко прагматически. В.И. Ленин специально подчеркивал в связи с этим, что критерий практики тоже не абсолютен: «...Критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько “неопределенен”, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в “абсолют”, и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями агностицизма и идеализма» ¹⁵.

Только диалектико-материалистическая философия, связанная с всемирно-историческим процессом преобразования общественных отношений людей друг к другу и к природе, смогла поэтому теоретически разрешить проблему заблуждения и указать пути его действительного преодоления и «снятия». Марксистско-ленинская теория познания показала, что проблема заблуждения – это не только, и даже не столько чисто теоретическая, сколько широко социальная проблема, полное решение которой совпадает с коммунистическим преобразованием всех общественных условий труда, в том числе и условий труда ученого, т.е. с преодолением товарно-капиталистической формы разделения труда также и внутри науки. Лишь на почве диалектико-материалистической теории отражения могут быть правильно расценены также место и роль тех заблуждений, которые действительно возникают в результате чисто формальных неточностей в рассуждении. Но заблуждения такого рода и происхождения в истории науки играют, конечно, ничтожнейшую роль и к тому же часто имеют более глубокие причины, нежели простой недостаток формально-логической культуры.

Современная буржуазная философия, не видящая выхода за пределы товарно-капиталистического способа разделения труда между индивидами, не в состоянии разрешить и проблему заблуждения. Усматривая корни заблуждения не в исторических условиях, порождающих заблуждение, а в органически присущих человеческим познавательным способностям «несовершенствах», современная буржуазная философия исходит из индивида, искалеченного разделением труда, и принимает его особенности за «естественные» свойства чувственности и мышления вообще. Так, неопозитивизм (Айер, Карнап, Рассел и т.п.), принимая «профессиональный кретинизм» буржуазного специалиста за вечную и естественную форму человеческого мышления, стремится найти способы преодоления заблуждения на почве и в рамках условий, с неизбежностью порождающих и фиксирующих эти заблуждения. Отсюда и рождается крайне наивная иллюзия, будто все заблуждения имеют свою причину в несовершенствах естественных языков, а потому только и могут быть преодолены с помощью языка искусственного, где строго регламентированы все значения терминов и способы соединения терминов в языковые

конструкции (в теории). Прагматизм вообще смазывает разницу между истиной и заблуждением, объявляя истиной все «полезные» представления. Последовательное проведение этого взгляда приводит к учению об истине, как о «полезной фикции»; заблуждение философски санкционируется в качестве истины, поскольку оно приводит к прагматически оправдываемому эффекту, успеху. Реальные корни и условия возникновения заблуждения здесь остаются вне поля зрения и тем самым принимаются за естественные и неизменные предпосылки его мышления, познания.

Откровенно и предельно проблема заблуждения субъективируется и поэтому с неизбежностью переводится в иррационалистический план у современных экзистенциалистов и их духовного предшественника Кьеркегора. Проблема заблуждения переносится Кьеркегором в сферу практического, но последняя предельно сужается им и выступает как этика. Если человек в своих поступках исходит из требований своего внутреннего «Я», которое выступает в сфере этики как «совесть», если он выбирает себя, то он выбирает истину. Если же он предпочитает действовать сообразно тому, что ему навязывают извне, сообразно требованиям, о происхождении и правомерности которых он вопроса не ставит, т.е. если он выбирает не самого себя, а нечто объективное, он заблуждается. Субъективное, личное оказывается критерием истины. Кьеркегор и вслед за ним современные экзистенциалисты называют все то, что берет свое начало в субъективном, необъективируемом, – «подлинным», то, что исходит из безликого, внешнего человеку, – «неподлинным». Один из вождей современного экзистенциализма Хайдеггер определяет заблуждение как «сокрытость», а истину – как «нескрытость». Он выступает против традиционного понимания истины как соответствия суждения предмету. Такое понимание, по Хайдеггеру, делает «местом» истины суждение и основано на «метафизическом» толковании познания как отношения субъекта к объекту. Истина есть характеристика самого бытия. Но это бытие есть бытие человеческое, есть «открытость» человеческого бытия, а заблуждение – «сокрытость». Одним из наиболее типичных примеров заблуждения является, по Хайдеггеру, следование традиции. Понять, скажем, философскую теорию – значит увидеть в ней решение тех вопросов, над которыми бьешься сам. Поэтому, говорит Хайдеггер, подлинный мыслитель не может заниматься классификацией школ или направлений, ибо в лице всех этих направлений для него существует только одно – свое собственное. Эта точка зрения Хайдеггера приводит его к крайне субъективистским выводам: предпосылкой в решении проблемы заблуждения и истины является субъективистское понимание личности и творческого процесса, который совершенно отрывается от объективного, выступает ли это объективное в форме природной или социальной закономерности, в форме опредмеченной человеческой деятельности – т.е. культуры.

Диалектико-материалистический анализ знания, имеющий целью отличить истину от заблуждения, всегда должен быть доведен до понимания материальных условий, определяющих человеческую жизнедеятельность, до понимания конкретно-исторических рамок и границ этой жизнедеятельности, характера отношений людей друг к другу и к природе, с необходимостью порождающих это знание и определяющих меру его истины, за пределами которой эта частичная истина становится заблуждением. В теории заблуждение опрокидывается лишь тогда, когда ему противопоставляется полная и конкретная картина той действительности, абстрактно-односторонним и абсолютизированным отражением которой является критикуемое заблуждение. Критическое отношение к собственным практическим и теоретическим предпосылкам (самокритичность) – это субъективное условие, без которого мыслящий человек не в состоянии самостоятельно отличить истину от заблуждения, не в состоянии вырваться из сети практических иллюзий, со стихийной силой

навязываемых ему ограниченными условиями его жизни. И эта самокритичность мышления, в свою очередь, может быть обеспечена только конкретным пониманием всеобщих условий деятельности и познания, т.е. философской теорией, раскрывающей связи мышления с предметно-практической деятельностью общественного человека, а через нее – с объективной реальностью. Единственной философской теорией, в полной мере охватывающей этот круг вопросов, является ныне марксистско-ленинская диалектика, как логика и теория познания, – острейшее оружие борьбы с заблуждением.

**Э. Ильенков, Й. Элез, Н. Мотрошилова, П. Гайденок,
М. Туровский**

-
- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 92.
 - ² Спиноза Б. Избранные произведения, т. 2. Москва, 1957, с. 389.
 - ³ Там же, т. 1, с. 434.
 - ⁴ Там же, с. 432.
 - ⁵ См.: там же, с. 433.
 - ⁶ Там же, т. 1, с. 457.
 - ⁷ Гоббс Т. Избранные сочинения. Москва – Ленинград, 1926, с. 27.
 - ⁸ Гегель Г.В.Ф. Сочинения, т. IV. Москва, 1959, с. 19.
 - ⁹ Там же, с. 20.
 - ¹⁰ Там же, с. 2.
 - ¹¹ Там же, т. V. Москва, 1937, с. 517.
 - ¹² Ленин В.И., Сочинения, т. 38, с. 360.
 - ¹³ Маркс К. Капитал, т. 3, 1955, с. 830.
 - ¹⁴ Там же, т. 1, с. 86.
 - ¹⁵ Ленин В.И. Сочинения, т. 14, с. 130.